

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Депутатская группа по связям с парламентом Японии
ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ БЮЛЛЕТЕНЬ № 16
— СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК —

*** декабрь 2001 г. ***

В настоящем предновогоднем номере Информационно-аналитического бюллетеня Депутатской группы по связям с парламентом Японии, при поддержке Московского представительства Международного научного общества синто, публикуется работа японского ученого-синтолога Минору Сонода «Мир синто» (1997 г.). Несмотря на многие различия между культурами России и Японии, истоки духовности двух народов берут начало в различных формах язычества, которое, несмотря на распространение православия в России и буддизма в Японии, продолжает играть важную роль в мировосприятии народами двух стран. Если мы хотим жить в гармонии друг с другом - мы должны уметь находить то общее, что объединяет народы России и Японии. Ознакомление с основными положениями синто, несомненно, позволит лучше понять “душу Японии”, менталитет японцев, и глубже понять самих себя.

Минору Сонода

Мир синто

Перевод с японского и примечания В.Ерёмина

Оглавление:

	стр.
1. <i>О-ясиро</i> - священное место встречи природы и человека	1
2. <i>Ками</i> - исключительно японский бог	2
3. <i>Мацури</i> - это связь между богом и людьми	3
4. <i>Ёмацури</i> в храме Титибу	4
5. <i>Мацури</i> и <i>матидзукури</i>	5
6. <i>О-ясиро</i> - место гармонии природы и города	6
7. Роль храмовых роц	7
8. Жизнь – во всем, способном жить	8
9. Слово <i>синто</i> породило контраст с буддизмом	8
10. Непрерывность жизни с позиций <i>синто</i>	10
11. То, что связано жизнью и смертью	11
12. Связи между умершими и живущими	12
13. Уроки исследования “Кодзики”, предпринятого Норинагой Мотоори	13
14. Культура отношения к смерти	14
15. Время распространения ложного образа синто	14
16. Синто было связано с национализмом	15
17. Японский <i>тэнно</i> – не император	16
18. Успокоение душ павших на войне	16
19. Общее для всего “поколения пошедших на смерть”	17
20. Успокоение душ умерших – обязанность живущих	18
21. Жить так, чтобы находить божественное во всей жизни	19

1. *О-ясиро* - священное место встречи природы и человека

В наше время слово *о-ясиро* означает “здание синтоистского храма”, посвященное *ками* (богу). Если же обратиться к старому значению слова *о-ясиро*, то выяснится, что оно означало “место, на котором ставится здание”, и совершенно не обязательно само здание. История не сохранила формальных свидетельств на сей счет, но к такому выводу можно прийти, изучая песни “Манъёсю”¹ и другие подобные источники. Недаром во время праздников *о-мацури* иногда сооружают простейшее здание, но чаще всего обозначают священное место, для чего, например, натягивают веревочное ограждение *симэнава*² и объявляют огороженное им пространство запретным для проникновения.

¹ Первая японская поэтическая антология (вторая половина VIII в.). На русский язык переведена А.Е.Глускиной (1904-1994).

² Ритуальное украшение из соломенной веревки с вплетенными в нее полосками бумаги.

Минору Сонода «МИР СИНТО»

Именно этому огражденному участку и придается значение *о-яси́ро*. Слово *яси́ро* - это старинное выражение понятия “место под дом” (*я* - дом, *си́ро* - участок), и мы можем убедиться в правоте наших предположений, обратившись к словам *наवासиро*³ или *норисиро*⁴.

Таким образом, на протяжении довольно длительного периода имелось совсем немного *о-яси́ро*, на которых стояли капитальные здания синтоистских храмов. В своде законов “Энгисики”, составленном в 927 г. по европейскому летоисчислению, содержится список важных синтоистских храмов, в которых центральные и местные власти устраивали *о-мацури*. Согласно этому списку, в стране насчитывалось 2862 синтоистских храма. Только 8 из них именовались *дзингу* или *камуцу мия*⁵, а все остальные - *камуцу яси́ро*⁶. Использование слова *яси́ро* позволяет предположить, что, вероятно, до начала X в. подавляющее большинство синтоистских храмов представляли собой “божье места” (*камуцу яси́ро*) со священными рощами, но без капитальных зданий.

Кстати, я живу в городе Титибу⁷, в местности, которая является продолжением равнины Мусасино и может быть названа ее глубинкой. Это куда более глухие места, чем сама равнина Мусасино, и легко представить себе, как много здесь было деревьев. С давних пор здешняя храмовая роща называется “роща *хахасо*”. Не знаю точно, какой смысл вложен в это название, но, думаю, не будет ошибкой предположить, что речь идет о каком-то виде деревьев.

Впрочем, если верить местным жителям, то *хахасо* - старинное название не конкретной породы дерева, а вообще деревьев с широкими опадающими листьями, таких как *нара*⁸ или *кэяки*⁹, в изобилии растущих на равнине Мусасино. И в самом деле, в упомянутой “роще *хахасо*” прежде густо росли либо *нара*, либо огромные *кэяки*, и в пору моего детства, пришедшегося на двадцатые годы эры Сёва¹⁰, даже днем роща была погружена в легкий сумрак.

К сожалению, роща была расположена в центральной части Титибу и по мере разрастания города все больше хирела. К тому же в 1966 г. большой урон ей нанес тайфун. Его последствия ощущаются до сих пор, но, по всей видимости, за минувшие тридцать лет роща в значительной мере восстановилась.

Кварталы города Титибу расположены на прибрежной террасе реки Аракава, в ее верхнем течении. В нижнем же течении она переходит в токийскую реку Сумидагава. Здесь находятся истоки водной системы Аракава. Небольшая долина, примыкающая к прибрежной террасе, была, думается, центром провинции Титибу, одной из тех, что постарше провинции Мусасино.

Что свойственно всем временам от древности до наших дней, так это первоочередная потребность людей в чистой воде там, где они собираются поселиться. Начиная с эпохи *дзёмон*¹¹, условием для расселения японцев в той или иной местности было наличие питьевой воды и ее источников, необходимых для богатой флоры и фауны, для полива и т.п. Не только японцы, все народы мира селились и развивались поблизости от источников воды. Поскольку и в Титибу вода исключительно хороша, здесь еще до образования провинции Мусасино люди стали селиться, обрабатывать землю, жить в благодатном соседстве со священной рощей. Я думаю, что это - древнейшая форма существования людей, их управления природой.

В синтоистском храме Титибу ежегодно второго и третьего декабря весьма широко проводится праздник *Титибу ёмацури* (Ночной праздник Титибу). Рассказывать о нем пришлось бы, наверное, очень долго, но все же выскажу одну мысль: то, что называется *о-мацури*, неразрывно связано со сложившимся в Японии представлением о богах.

2. *Ками* - исключительно японский бог

Слово “*ками*” с началом нового времени¹² было окончательно отождествлено с западным понятием “бог” - God, а его старинное значение оказалось преданным забвению. Только благодаря последним успехам ученых-лингвистов, изучающих родной язык, пришло, наконец, понимание причин, в силу которых японцы с древности употребляли слово *ками*.

Самое простое объяснение связано с широко распространенной точкой зрения, согласно которой давным-давно в старояпонском языке было слово *куму* или *кума*. В результате трансформации оно в конце концов превратилось в *ками*. *Куму* - глагол, совпадающий по значению с глаголом *какурэру*¹³. *Кума* - существительное, основной смысл которого, если говорить кратко, - место, недоступное для

³ Участок для выращивания рисовой рассады; *нава* - рассада, *си́ро* - участок.

⁴ При склеивании - часть бумаги или иного склеиваемого материала, оставляемая для нанесения клея; *нори* - клей, *си́ро* - участок.

⁵ Синтоистский храм, имеющий высокий статус, буквально - божий храм или божий дворец.

⁶ *Камуцу* - бог, *си́ро* - участок, т.е. буквально - божье место.

⁷ Префектура Сайтама.

⁸ Разновидность дуба.

⁹ Вяз.

¹⁰ Эра Сёва (1926-1989) – период правления императора Сёва (Хирохито).

¹¹ От XI до III тысячелетия до н.э.

¹² В Японии - с 1868 г.

¹³ Прятаться, скрываться.

взгляда, темная ниша. Итак, значение невидимости для людских глаз, чего-то спрятанного передавалось и словом *куму*, и словом *кума*. Например, до наших дней дошли такие выражения книжного языка, как *куманаку сагасу* (тщательно искать, не оставить ни одного камня не перевернутым) и *куманаки цукикагэ* (лик луны без единой тени), в которых присутствует компонент *кума*. Такова версия, делающая упор на трансформацию формы слов, на постепенное превращение слова *куму* в слово *кума* и, далее, в слово *ками*.

Указывают также, что слово *ками* является по смыслу компонентом “верх” из лексической единицы “верх и низ”¹⁴.

В наше время слово *камисимо* ассоциируется главным образом с верхней и нижней частями чего-то вертикального. Но ведь существуют слова *каваками*¹⁵ и *кавасимо*¹⁶, первым из которых в давние времена обозначали районы, где находились источники поступления воды. Весьма возможно, в данном случае произошло то же, что с превращением слова *кума* в слово *ками*.

Именно для определения той субстанции, что приносит в жизнь людей, обретающихся в сельской местности, столь ценимую ими воду и благодать лесов и гор, субстанции, что образует устои этой жизни, я использую слово *рэйсэй*¹⁷. Эта одухотворенность, неизменно скрытая от людских взоров, одухотворенность невидимая и скрытно же оказывающая умиротворяющее воздействие, и лежит в основе слова *ками*.

Заключение подобного рода, похоже, абсолютно точно соответствует итогам моих размышлений о реальности японских *ками*, вынесенным из проведенных мной исследований и полевых наблюдений. Хотя одухотворенность незрима, она непрерывно доставляет разнообразные жизненные блага людям, населяющим сельские местности. Одухотворенность - это воплощение и *ками*, и наших предков.

Допустимо, по-моему, полагать, что *о-мацури* олицетворяет собой для нас возможность регулярно встречаться там, где мы живем, с *ками* и предками. Имеются различные лексикологические гипотезы и о происхождении слова *мацури*. Говорят, у него есть весьма много общего со словами *мацу*¹⁸ или *мати*¹⁹, и, не мудрствуя лукаво, считают, что *мацури* происходит от *матинодзому*²⁰, а по мнению одного ученого - от *матикогарэру*²¹. Далее, имеется слово *мати*, означающее “предзнаменование” или “символ ворожбы”. И еще одно значение: что ни говори, а словом *мати* передают рыночную и городскую толчею, скопление народа в местах проведения *о-мацури*. Отсюда и современное значение слова *мати* (городской квартал).

Итак, слово *мати* с давних пор является многозначным и понимается по-разному. Однако смысл его, вкратце, состоит в том, что люди в определенное время ожидают с надеждой, ожидают, сгорая от нетерпения, появления всегда скрытых от них *ками*, очищаются от грязи повседневной жизни и ждут встречи с *ками*, чтобы приветствовать их. Поскольку слово *мацу* значит еще “находиться в услужении”, в рамки *мацури* включаются не только ночная молитва в храме, ожидание появления *ками* и его встреча, но и его “обслуживание”, т.е. его самый что ни на есть радушный, сердечный прием.

3. Мацури - это связь между богом и людьми

В давние времена явление *ками* именовалось *миарэ* или *микагэ*. И сейчас во время праздника *Аои мацури*²² в киотоских храмах Камо дзиндзя²³ словами *миарэ* или *микагэ* пользуются для обозначения обряда встречи *ками*, пребывающего в горах Кояма или Микагэяма, которые находятся в верховьях реки Камогава.

На этом празднике встречают *ками* в храмах Камигамо и Симогамо, которые представляют собой *сатомии*, т.е. храмы у подножия горы²⁴. Затем в храм из дворца приезжает посланец императора. Лица, сопровождающие этого посланца, украшают головные уборы листьями *аои*²⁵. Поэтому праздник и получил название *Аои*. Сейчас словосочетанием *Аои мацури* называют процессию, в которой посланец императора прибывает на встречу с *ками*. Однако изначальной формой этого праздника было явление *ками*, которое и называли *миарэ-но синдзу*²⁶.

Миарэ - старое слово. Есть у него и значение “появляться”. В то же время оно может также пере-

¹⁴ *Камисимо*; *ками* - верх, *симо* - низ.

¹⁵ Верховье реки; *кава* - река.

¹⁶ Низовье реки.

¹⁷ Одухотворенность.

¹⁸ Глагол “ждать” в словарной форме.

¹⁹ Одна из основ того же глагола.

²⁰ Ожидать с надеждой.

²¹ Ожидать, сгорая от нетерпения.

²² Проводится ежегодно 15 мая.

²³ Общее название двух храмов - Камигамо и Симогамо.

²⁴ При наличии у одного храма нескольких зданий то, что расположено на горе, называется *ямамия*, а то, что находится у подножия горы, - *сатомия*.

²⁵ Мальва.

²⁶ Обряд во время *мацури* в честь явления *ками*; *но* - притяжательный формант.

Минору Сонода «МИР СИНТО»

давать смысл таких слов и словосочетаний, как “рождаться”, “получать возможность существовать”. Дело в том, что явление *ками* есть одновременно и его очередное рождение. Когда на празднике встречают *ками*, он обретает новую жизнь. Люди ожидают, встречают его, оказывают ему радушный прием и получают его благословение. Это и есть *мацури*.

Я думаю, в такой форме *мацури* мог с древности иметь место и в моем Титибу. *Ёмацури* (Ночной мацури) в Титибу, проходящий ныне 2-3 декабря, мы называем *Фую мацури* (Зимний мацури) или просто Ночным мацури. Главными объектами празднества являются храм Титибу - *сатомия* с рощей *хахасо* и весьма впечатляющая гора Букодзан, возвышающаяся над речной долиной. С этой горы приветствуют прибывающего *ками* и там же устраивают его проводы. Как мне представляется, такая форма органически присуща и зимнему ночному *мацури*, отмечаемому 3 декабря, и весеннему празднику храма Титибу - *Тауэ мацури* (Празднику посадки риса).

4. Ёмацури в храме Титибу

Храмовая роща *хахасо*, где находится храм Титибу, была местом проведения *мацури* в честь *ками* еще в те давние времена, когда здесь не было храмовых зданий. Есть старое слово *каннаби*, означающее “место, посвященное *ками*”. Во время Ночного *мацури* в Титибу церемония встречи великого *ками* начиналась от горы Букодзан, возвышающейся над *каннаби*, и завершалась на праздничном “плацу”. На мой взгляд, это был поистине грандиозный праздник встречи, теплого приема и проводов великого *ками*, скрывавшегося в горах и реках, которые обеспечивали существование деревень Титибу.

Все начиналось с “*о-ясиро*” в старинном смысле этого слова, затем были воздвигнуты храмовые здания, и четко обозначилось имя *ками* (Ягокоро омоиканэ-но *ками*), отраженное и в классической литературе, и в мифах. Так шаг за шагом состоялось вступление в писаную историю.

Когда наступала дата *мацури*, жители Титибу и окрестных населенных пунктов собирались в храм, причем в древности пик празднества приходился на третье число одиннадцатого лунного месяца. По старому лунному календарю это - третье ноября, а по григорианскому - третье декабря, т.е. месяцем позже.

Прежде Ночной *мацури* называли *мёкэнмати*, *мёкэнмацури* (чудесный или таинственный *мацури*) или просто *мати*. Рассказывают, что до эпохи Эдо, в период средневековья, храм Титибу долгое время именовался *Мёкэнсама*²⁷. Поскольку люди, говоря об *о-мацури*, употребляли выражение *мёкэн*, он был известен как *мёкэнмати*.

Итак, слово *мати*, как говорилось выше, безусловно имеет и значение “ожидания *ками*”. Но словом *мати* называли в то же время и стечение большого количества людей, и радостную встречу ими *ками*. Мне кажется, что, если бы слово *мати* в его нынешнем понимании²⁸ было обогащено вот этими исконными значениями, мы смогли бы, вероятно, получить концепцию *матидзукури*²⁹, которая лучше соответствовала бы нашей истории и традициям.

Слово *мати* используется также для обозначения динамичного локального общества. Довольно часто фигурирует это слово и в “доэдовских”³⁰ названиях деревень, указывая на наличие рынка. Там и встречали *удзигами*³¹, и устраивали торжища.

Рынки изначально возникали по соседству с храмами *удзигами*. В стране очень много мест, где рядом со старинными храмами находятся старинные же населенные пункты, в названия которых входит компонент *ити* - рынок, - например, Фуцукайти, Миккайти, Ицукайти, Муйкайти, Токайти и другие.

Нюанс праздничности в слове *мати* весьма силен. Так что временами люди абстрагировались от рутины повседневного быта, собирались с бьющим через край воодушевлением и устраивали *мати*.

Когда происходит четкое размежевание поселений сельского и городского типа, деревенские жители, естественно, начинают мечтать о последних и уходить в них. В городах явление *ками* привлекает множество людей, приятно волнует и возбуждает их. Если посчитать, что процесс нынешнего *матидзукури* означает создание единого духовного настроения у членов локальных обществ, то, по-моему, привнесение в этот процесс элементов *мацури* представится необходимым.

5. Мацури и матидзукури

²⁷ *Сама* - послелог, выражающий почтение.

²⁸ Городской квартал, небольшой город.

²⁹ Послевоенный термин, означающий обеспечение должных социальных условий для жителей городского квартала или небольшого города при их собственном активном участии на основе формирования у них коллективистских представлений и осознания личной ответственности каждого за общее дело.

³⁰ Исторический период Эдо – 1600-1868.

³¹ Местных *ками*.

Давным-давно в Китае слово, которое звучит по-японски, как *сякай*³², означало “праздник”. Это слово пишется двумя иероглифами - *ся* и *кай*. В первом иероглифе левая сторона - ключевой элемент “показывать”, справа к нему приписан элемент “земля”. Но левый ключевой элемент относится к категории пиктограмм, которые используются во время праздников, славящих богов, и первый иероглиф, взятый в целом, приобретает значение “боги земли”. Второй иероглиф обозначает скопление людей, славящих богов сельскохозяйственных угодий, гор и рек, а изначальный смысл сочетания обоих иероглифов истолковывается как радостная, торжественная встреча и радушный прием бога данной местности по весне и осени. *Мацури* становится той основой, на которой формируется жизнедеятельный людской коллектив. Раз это так, то, с моей точки зрения, люди, собираясь, не просто создают общество, а устанавливают между собой духовные связи, связи с глубинной сущностью этого самого общества как зоны их совместного проживания.

Мне доводилось получать разъяснения специалистов в области городского и сельского инжиниринга, да и сам я много размышлял о японских формах проектирования и строительства деревень и городов. Говорят, что тип создания населенных пунктов в Японии, особенно на четырех ее основных островах³³, именуется “придорожным”, т.е. зачастую кварталы связывает дорога, по обе стороны которой выстраиваются дома, а центра (например, площади), характерного для поселений в других странах, не имеется.

Когда выслушиваешь такое, то возникает впечатление, что центра в населенных пунктах действительно не встретишь, сколь долго по ним ни идти. Те, кто путешествовал по Японии, наверное, отмечал необычайно широкое распространение “придорожного” типа застройки.

На континенте - в Китае и других странах - вокруг населенных пунктов возводились прочные крепостные стены, и становилось четким разграничение между тем, что находилось “внутри”, и тем, что оставалось “снаружи”, т.е. между местом обитания людей и природой, а в самом центре поселений образовывалась площадь. В Японии такой формы застройки нет. Тип организации больших и малых городов, бытовавший на континенте, копировали в древней Наре³⁴ и Киото³⁵, когда он еще назывался Хэйанкё. Однако с течением времени от городской планировки, воспроизводившей континентальный тип, не осталось и следа, а придорожные населенные пункты сохраняются до сих пор. Такова, видимо, специфическая особенность построения японцами городов и деревень.

Так что же, в *мати* в самом деле нет никакого центра? Да, такого видимого глазу центра, как в городах Европы или Азиатского континента, нет, но в реальности он существует, будучи скрытым в людских сердцах.

Локальное общество того или иного населенного пункта живет, поддерживая тесные связи с окружающим его миром природы.

Где-то на задах, в укромном уголке японской деревни есть *о-ясиро* или храмовая роща, а за ними дальние лесистые горы или гора, где пребывает *ками*. В деревенской *сатомии* совершается *о-мацури*, в ходе которого встречают являющегося с этих гор *ками*, открывают путь для его пришествия и его проводов.

Совершение *о-мацури* соединяет людские сердца воедино. Поэтому во время *о-мацури* центр населенного пункта, невидимый в обычной обстановке, становится зримым. Следовательно, в идеале *мацури* является действием, при котором происходит “единение людских сердец и одновременно их слияние с окружающей природой”. В этом, пожалуй, *матидзукури* сильно отличается от процессов развития деревень и городов на континенте. Не следует ли еще раз, повнимательнее взглянуть на это отличие, сознавая, что его учет в обновленном *матидзукури* и *мурадзукури*³⁶, по всей видимости, имеет большое значение для создания нового локального общества, способного по-настоящему существовать с окружающей средой?

6. *О-ясиро* - место гармонии природы и города

На проходившей в Японии научной встрече, посвященной то ли проблемам экологии мировой флоры, то ли проблемам городского общества, японский участник спросил у гостя из Германии, как надо понимать гармонию города и природы, и получил такой ответ: “Разве у вас в Японии нет такого хорошего примера, как Киото и Нара?” Думаю, этот ответ подтвердил, что даже там, где, подобно Киото и Наре, копировался китайский опыт планирования и строительства городов, тогдашним японцам был органически присущ образ жизни, “встроенным” элементом которого являлась природа.

³² Общество.

³³ Хоккайдо, Хонсю, Сикоку, Кюсю.

³⁴ Современный город Нара имеет давнюю историю и в древности был столицей Японии.

³⁵ Современный город Киото имеет давнюю историю и в древности стал столицей Японии (после города Нара), называясь в то время Хэйанкё.

³⁶ То же, что *матидзукури*, применительно к деревне; *мура* - деревня.

Скажу, хотя это и так известно совершающим ныне поездки в Киото и Нару, а тем более - жителям этих городов, что, например, в Киото все старинные *о-ясиро* находятся не в сердцевине городских кварталов, а у подножия окружающих последние гор. Конечно, это связано и с курсом политических руководителей, не допуская строительства больших буддийских и синтоистских храмов посреди городских кварталов, но более важный момент состоит в том, что место этих храмов - на фоне окрестных гор.

Ко всему прочему, вплоть до наших дней сохраняется традиция ежегодных, приуроченных к определенной дате праздничных встреч синтоистских и буддийских божеств соответствующих храмов в крупных и малых городах.

Синтоистский храм Ясака³⁷, знаменитый своим праздником Гион, расположен у подножия Хига-сиямы. А упоминавшиеся храмы Камо (Камигамо и Симогамо), где почитаются верховные *удзигами*, словно оберегают обильные ресурсы рек Камо-гава и Такано-гава, питающих своими водами Киото. *Мацури*, проводящиеся в этих *сатомиях*, нацелены в первую очередь на встречу *ками*, являющихся из окружающего храмы мира природы. Если обратиться, далее, к распорядку *мацури* в храмах Мацуо тайся³⁸ и Китано тэнмангу³⁹, то станет очевидным, что и в таком крупном городе, как Киото, праздничный ритуал в форме встречи синтоистских и буддийских божеств, являющихся из окрестных гор и рек, продолжает неукоснительно соблюдаться горожанами в их повседневной жизни. Разве нельзя извлечь из всего этого ничего поучительного?

Нынешняя эпоха - время поиска путей создания нового жизнеспособного общества. Однако в процессе городского и сельского планирования прежде всего выпадает из поля зрения, игнорируется одна из концепций, "работавших" ранее поистине в силу традиций, а именно концепция, в соответствии с которой "сегодняшняя жизнь дана нам ради предков, передавших ее, и детей и внуков, ее унаследующих". Не отбрасывает ли современность эту концепцию целиком и полностью?

Конечно, в таких местах на периферии, как Титибу, ей строго следуют. И в *о-бон*⁴⁰, и в *хиган*⁴¹ люди с необычайным рвением чтут Будду и ушедших предков. Причем это происходит не только в каждой семье по отдельности⁴², но и в региональных масштабах. На Новый год поздравляют старших и непременно наносят праздничные визиты соседям.

Эти поведенческие установки с исключительной силой проявляются в моменты таких серьезных стихийных бедствий, как катастрофическое землетрясение в районе Хансин⁴³. Да и в основе повседневной жизни всегда лежала идея о взаимной поддержке существования, и при этом тщательно оберегалась культура жизни, предусматривавшая ревностное почитание и *ками*, и Будды.

Однако в ходе модернизации все это отбрасывалось на обочину, а первоочередное значение при создании городов и деревень, а также при стимулировании развития индустрии получили удобства ныне живущих. Такой подход в конечном счете оказался связанным с сегодняшними экологическими проблемами. Как мне кажется, нам необходимо строить наше жизнеспособное общество, обдумывая новый тип сосуществования человека и окружающей среды и принимая в расчет только что упомянутые обстоятельства.

7. Роль храмовых рощ

Судя по итогам исследований, которые проводил гистолог Акира Мияваки по поручению префектуры Канагава, до войны насчитывалось 3250 храмовых рощ, а к 1970 г. число их сократилось до 42.

Если считать эти рощи ни на что не годными, то, может быть, так оно и должно было случиться. Никаких съедобных плодов они не дают, солнечных лучей не пропускают и вообще создают неудобства. Вот, думается, их и изводили ради того или иного освоения земельных участков.

Но одновременно чувствуешь, что вместе с вырубленными рощами мы вроде бы утратили и нечто необыкновенно важное. Стоит только поразмыслить над фактом почти полного истребления свыше трех тысяч рощ менее, чем за полвека, как становится страшно.

Взгляды на *ками*, которых твердо придерживались в Японии с первобытной эпохи, вопросы постижения сути божеств, идеи одухотворенности, скрытой в даруемых природой благах, - все это постепенно ушло из сознания японцев с наступлением так называемого нового времени. А в наш век, особенно в тридцатые годы эпохи Сёва, т.е. в период высоких темпов экономического роста, традиционные представления оказались, видимо, напрочь забытыми, и в результате даже храмовые рощи стали объектами кампании по освоению земельных участков.

В 60-е годы Диас дель Коррал, известный испанский специалист в области истории цивилизации,

³⁷ Синтоистский храм в Киото; отмечаемый в нем праздник Гион *мацури* – один из основных в Японии *мацури*.

³⁸ Синтоистский храм в Киото.

³⁹ Синтоистский храм в Киото.

⁴⁰ День поминовения умерших.

⁴¹ Праздник равноденствия.

⁴² Речь идет о совершении обрядов перед домашней божницей.

⁴³ Землетрясение в районе Хансин (Осака-Кобэ) и острова Авадзи произошло в 1955 г.

посетил ряд азиатских стран и впоследствии издал свои путевые заметки в виде книги «Путешествие по Азии». В главе о Японии он уделяет внимание особенностям храмовых рощ, посвящает им самостоятельный раздел и высказывает свое отношение к ним. Я не устаю думать об исключительной проницательности его высказываний.

Как раз в то десятилетие освоение земельных участков в Японии развернулось во всю ширь. И все-таки повсеместно в храмовых рощах стояли *ториу*⁴⁴, возвышались храмы, окруженные массой деревьев. По эмоционально насыщенному суждению Коррала, это означало, что *ками* сосредоточиваются в естественной лесной среде. Он упоминает и о случаях трудной защиты храмовых рощ в различных районах Японии даже при тогдашнем размахе освоения земельных участков. Когда на такое указывает иностранец, начинаешь ощущать, что мы разучились понимать ценность и важность столь знакомого и близкого всем нам. Думаю, сейчас необходимо заново обдумать и пересмотреть наше отношение к этой проблеме.

В качестве одной из перспективных тенденций, которая, правда, может оказаться преходящей модой, мне хотелось бы отметить рост в последнее время числа людей, питающих интерес к так называемой природоохранной деятельности или к проблемам глобальной экологии. Интерес проявляют прежде всего горожане, точнее те из них, кто активно выдвигается на периферию. Речь при этом идет не о скоротечных «вылазках» за черту городов с быстрым последующим переездом в другие места, - увеличивается армия домовладельцев, которые оседают в провинции всерьез и надолго. В среде этих людей очень четко прослеживается стремление познать историю и обычаи мест, где они поселились, и, как следствие этого, - склонность к защите природы и тамошних традиций. Данный феномен заслуживает всяческих похвал. Вместе с тем сознаешь, что именно его наличие обязывает нас, давным-давно проживающих в глубинке, упорно бороться за сохранение окружающей биосферы.

В конечном счете не столько люди оберегают природу, сколько деревья, травы, другие растения и прочие компоненты природы оберегают людей. Когда не только слова, но и факты реальной действительности заставят человека понять, что его выживание обеспечивается, так сказать, извне, его взгляд на природу изменится автоматически. Полагаю, в этом случае перед нами – крайне важный момент взаимоотношений людей и природы.

Несколько лет тому назад в Рио-де-Жанейро (Бразилия) состоялась историческая встреча в верхах – конференция ООН по окружающей среде и развитию. Довелось участвовать в ней и мне. На конференцию прибыли политики, религиозные деятели и другие представители неправительственных организаций. Там я остро осознал самое главное для нас обстоятельство – необходимость смены ценностных ориентаций. Делегаты конференции один за другим энергично подчеркивали, что, если не будет кардинально изменена система ценностей, подпирющая так называемую современную материальную цивилизацию, которую мы вплоть до сегодняшнего дня безудержно превозносили, то никакие, даже самые искусные технологии не сохранят окружающую среду для будущего. Я полностью согласен с этими высказываниями.

Но сколько их ни повторяй, будучи облеченными в высокие философские формы, они не найдут дорогу к массам. По-моему, в качестве ценностной ориентации желательно и необходимо такое восприятие окружающей среды, которое вызвало бы отклик в самых затаенных глубинах сердец простого народа.

8. Жизнь – во всем, способном жить

В этой связи исключительно большое значение, как мне кажется, имеет одна фундаментальная идея, которая издавна владела умами японцев и согласно которой в растения и животных вдохнута та же жизнь, что и в нас. Идея эта коренным образом отличается от современных западных идей. И нас, японцев, приучали верить, что, став взрослыми, мы должны отринуть эту идею из-за ее детскости. Отказ от нее приравнивался к повзрослению. Но разве не стоим мы сейчас перед необходимостью переосмыслить сложившуюся ситуацию? С моей точки зрения, нам следует снова проникнуться давней японской идеей, в соответствии с которой травы и деревья, насекомые и рыбы – все, живущее в этом мире, объединяется в одной общей жизни.

Среди старых традиционных обрядов есть такие, в которых сохраняются следы означенного образа мышления. Иллюстрацией могут служить, в частности, и храмовые *о-мацури*, и *мацури*, в которых растущий рис представляется символом жизни. В их основе лежит постулат, гласящий, что человек, взяв жизнь у риса, т.е. съев его, обретает возможность собственной жизни, проводимой вместе с *ками*. Есть и другие примеры. Скажем, во многих храмовых *о-мацури* присутствует обряд *ходзээ*, состоящий в освобождении птиц и мелких животных, специально купленных для этого (здесь, возможно, сказывается влияние буддизма). Сохранилось много обрядов, совершаемых из желания загладить вину перед рыбами и животными, которых люди лишают данной им жизни, или успокоить их души. До сих пор в рыбацких поселках стоят поминальные знаки в честь рыб, и люди, для которых речной и морской

⁴⁴ П-образные ворота на подходе к синтоистскому храму.

промысел является средством выживания, регулярно устраивают их поминовение. В середине лета⁴⁵ владельцы ресторанов, специализирующихся на приготовлении блюд из угря, проводят церемонии его поминовения. Вот так люди в определенные моменты обращаются к животным и к иным объектам нашего питания, за счет которых мы и живем, с поминальной молитвой и со словами благодарности за все, сделанное ими для нас.

Более того, проявления благодарности японцы адресуют и орудиям труда. Хорошо известны обряды в честь кисти для письма и в честь иглы. В Титибу есть обычай (в последние годы ему следуют все реже) дочиста отмыть мотыги, лопаты и другие сельскохозяйственные орудия и в Новый год по лунному календарю устраивать посвященный им *мацури*. Называется это *догу-но тоситори* – праздник “Старения орудий на один год”.

Итак, перед нами концепция, признающая процесс старения орудий, т.е. наличие жизни, которую они ведут. Орудия постоянно помогают нам, и поэтому в Новый год их чистят и устраивают им *мацури*. К этому обычаю до сих пор относились как к чему-то, отдающему детством. Однако сейчас я думаю, что именно воплощенное в нем мировоззрение явится ключом к решению проблем окружающей среды будущего. По-моему, оно связано с упоминавшейся выше идеей о совместной жизни с травами, деревьями, насекомыми и рыбами, идеей, находящей отклик в сердцах простого народа.

Современные науки о жизни значительно продвинулись вперед. Среди их достижений есть чрезвычайно важные, забывая которые недопустимо. Так, было установлено, что наша жизнь посредством генов связана даже с самыми примитивными животными организмами и растениями. Далее, были заново рассмотрены незамысловатые на первый взгляд представления о том, что в рамках невообразимо огромного временного и пространственного цикла, начавшегося сотни миллионов лет тому назад с зарождения одной-единственной жизни, каждый из нас живет сам и получает извне поддержку, обеспечивающую его выживание. Думаю, эти достижения созвучны высоким идеалам, провозглашавшимся на конференции ООН по окружающей среде и развитию.

9. Слово *синто* породило контраст с буддизмом

Поскольку я имею отношение к науке, именуемой религиоведением, то никогда не упускаю из поля зрения метод международных научных сопоставлений, даже не будучи крупным знатоком положения в других странах. При этом я постоянно размышляю о том, как следует воспринимать *синто* в более широком контексте.

Само слово *синто* было заимствовано из Китая. В классических японских книгах его можно обнаружить в двух местах: в той части “Нихон сёки”⁴⁶, где описываются деяния императора Ёмэй⁴⁷, и в рассказе об императоре Котоку⁴⁸. Думается, там содержится наиболее давний вариант понятия *синто*.

В обоих случаях слово *синто* выступает непременно в сопоставлении со словом *буппо* – “закон Будды”. При оценке личности императора Ёмэй говорится, что он “уважал *синто*” и “верил в закон Будды”. Применительно к *синто* использовались глаголы “уважать”, “читать”, а применительно к буддизму – “верить”. В то время слово *синто* служило для отделения от буддизма исконной религии наших предков.

Что касается происхождения этого слова, то китайские даосисты⁴⁹ называли учение, которому они следовали, “шендао”⁵⁰, т.е. “путь истины”. Таким образом, и в Китае приход буддизма явился поводом для обозначения существовавшей в стране религиозной традиции словом *шендао*.

Можно предположить, что тогдашние японские интеллектуалы использовали слово *синто*, зная о китайском опыте. Китайцы использовали этот термин в рамках своей давней традиции, когда они чтили богов и предков. Вероятно поэтому он и в Японии имел аналогичный смысл. Не религию, являвшуюся продуктом иноземной культуры, а издавна практиковавшееся и передававшееся у нас от поколения к поколению почитание богов и предков стали называть *синто*.

С точки зрения религиоведения, *синто* в изобилии наделено чертами древней религии. В основе древних религий лежит почитание – почитание “своих” богов и предков, когда на какой-то территории возникает цивилизация какого-то народа. В этом смысле у *синто* действительно имеется связь с теми религиозными формами, которые процветали, к примеру, в древней Греции, древнем Египте, древнем Риме, древнем Китае, древней Индии и т.д.

Однако большая часть древних религий исчезла одновременно с гибелью древних цивилизаций. Между тем в Японии суть и дух *синто* были донесены до нашего времени. Получилось так и потому, что пришедший в Японию буддизм – религия очень спокойная. Она использовала некоторые элементы

⁴⁵ Традиционный сезон поедания угря.

⁴⁶ Свод мифов и летописей, 720.

⁴⁷ ?–587.

⁴⁸ 596–654.

⁴⁹ Даосизм – одна из религий Древнего Китая.

⁵⁰ Это иероглифическое сочетание читается по-японски *синто*.

синто, и вообще обе религии учились друг у друга.

Ввиду вышесказанного я считаю допустимым отметить, что, хотя *синто* несет на себе черты древней религии, важными его особенностями являются неуязвимость перед потоком времени и воспринимаемость в качестве одной из традиций в наши дни. В отличие от так называемых великих религий – христианства, ислама и буддизма, – у *синто* нет основателя и нет доктрины или какого-то нового учения, с проповедью которого выступил бы такой основатель.

Если нет пророка и нет ясно выраженной догмы, то с точки зрения на религию наших современников *синто* выглядит как нечто неуловимое и неопределенное. Да, нет ни основателя, ни доктрины. Но если говорить о том, что есть в *синто*, то следует указать на *мацури*, которых неотвратимо порождает сама жизнь людей. Целенаправленная передача *мацури* от поколения к поколению и их восприимчивость отражают истинный облик *синто* как древней религии, дожившей до современности.

Еще одной особенностью христианства и других великих религий является исключительно важное значение, придаваемое спасению отдельного человека. Для древних же религий, начиная с *синто*, весьма характерна первоочередная поддержка дома и семьи или локального общества и национального государства, т.е. коллективов. Передача этой черты от поколения к поколению также затрудняет понимание *синто* с позиций тех религий, которые отводят центральное место вере индивида.

Часто приходится слышать, что японское *синто* с его культом храма чрезвычайно трудно воспринять носителям современных взглядов на религию. Однако если сфокусировать внимание на религиозных формах, возникавших на протяжении долгой истории человеческой культуры, то окажется, что формы, выдвигающие на первый план индивида, появились совсем недавно. А во всей истории человечества, насчитывающей два миллиона лет, подавляющее могущество демонстрировали, скорее, религии, что называется, “синтоистского” склада. В условиях господства нынешних социальных понятий, ставящих во главу угла индивида как воплощение современности, одни задаются вопросом, вписывается ли синтоистская традиция в эпоху, а другие высказывают подозрения в ее анахроничности.

Если обратить взоры к Азии, то выяснится, что на поверхности явлений преобладают, конечно, великие религии, - христианство, буддизм и ислам, но на уровне повседневного бытования народов в полном здравии пребывают племенные и национальные религии, иначе говоря, старые религиозные формы, имеющие сходство с *синто*. Хотя ни предки, ни боги, разумеется, невидимы, существование каждого из них воспринимается как олицетворение общей одухотворенности.

В общем, имеется весьма непритязательное восприятие жизни, в соответствии с которым все сущее живет и, благодаря его одухотворенности, поддерживаются индивидуальные жизни. Традиционные обычаи передачи трепетного почитания этих жизней от поколения к поколению прекрасно сохраняются и в наше время.

Эти обычаи складывались в условиях, когда великие религии скорее отрицали их и уж никак не оценивали их должным образом. Однако реальность такова, что среди простого народа, особенно простых народов Азии, общие с *синто* обычаи почитания людских душ или душ всего сущего продолжают весьма строго соблюдаться.

А не свойственны ли такие традиции и великим религиям, пусть, в известном смысле, и как некие маргинальные категории? Так, характерные главным образом для буддизма “большого колеса” - Махаяны⁵¹ и вышедшие из древних анимистических верований представления о том, что во всем сущем заключен “буддийский нрав”, почти не отличаются от синтоистских представлений об одухотворенности всего сущего.

Или вот поныне сохраняющаяся в индуизме древнеиндийская концепция *бонга*⁵². *Атман*, выражающий в этой концепции “Я”, обозначает на самом деле человеческую душу или дыхание. Иначе говоря, этот термин происходит от слов, представляющих собой одно из проявлений жизни – вдох и выдох.

Далее, среди традиционных понятий христианства и иудаизма имеется *руах*. Обозначая Дух, Святой Дух в так называемой Троице, оно превращает одухотворенность, связанную с наличием жизни во всем сущем, в опору основополагающих представлений. Таким образом, идеи о недопустимости игнорирования одухотворенности действительно присутствуют и в великих религиях.

Ныне, когда в различных конфессиях обсуждают вопрос о надлежащем облике религии на путях от настоящего к будущему, часто и единодушно говорят о необходимости еще раз осмыслить понимание жизни. Это относится и к великим, и к малым религиям, и к религиям, которые, подобно *синто*, пребывают в мире древних традиций.

10. Непрерывность жизни с позиций *синто*

⁵¹ Направление буддийской религии, основное положение которого гласит, что каждый человек уже в его теперешней жизни может спастись, обретя нирвану, т.е. освобождение от земных страданий.

⁵² Эта концепция является важнейшей составной частью философии брахманизма, согласно которой *брахман-бон* – основополагающий космический принцип – и *атман-га* – “Я” – идентичны.

Существуют различные версии появления в японском языке слова “жизнь” (*иноти*). По-моему, его вероятным предшественником было слово *икиноти*. Компонент *ти*, сохраняющийся в виде слова “кровь”, равно как и слова *ми* и *би*, давным-давно обозначал в японском языке “одухотворенную силу”⁵³. Итак, “жизнь” – “одухотворенная сила”, “сила вдоха и выдоха”, “сила дыхания” – вот, что, видимо, трансформировалось в слово “жизнь”.

Но такое понимание жизни в отличие от современных взглядов на нее не исчерпывается лишь простым пребыванием в живом состоянии. Жизнь – это смерть, или соединение жизни и смерти. Душа, таким и было изначальное восприятие жизни.

Современное же ее восприятие отождествляет смерть с небытием. Иначе говоря, при сопоставлении жизни со смертью за первую принимается только пребывание в живом состоянии, а его прекращение, прекращение жизни считается смертью, т.е. небытием.

Однако в действительности нам не дано знать, обязательно ли так оно на самом деле. С позиций современности, особенно с позиций наук о жизни, опирающихся на аналитические данные нового времени, смерть и вправду – небытие, но восприятие жизни, вынесенное человечеством из древности, отвергает отождествление смерти и “послесмертия” с небытием. Это – иное существование, т.е. еще один, другой способ жизни.

Разве не является сейчас такой подход весьма важным для выяснения сущности жизни, пребывания в живых и пребывания в мертвых, воплощающих посмертный облик души? Словом, если уж говорить о жизни, то ныне и с научной, и с народно-традиционной точек зрения важно ее понимание именно в неразрывной связи со смертью.

Еще один важный момент – идея новой жизни, которую сулит смерть. Факт смерти того или иного индивида неоспорим. Ведь как раз в силу этого факта жизнь и существует. В рамках жизненного цикла смерть индивида незамедлительно рождает новую жизнь.

Хотя правомерно говорить о непрерывности жизни какого-то одного вида, жизненная цепочка возникает и тогда, когда смертью одного вида обеспечивается жизнь другого вида. А коль скоро имеются в виду люди, то жизненную цепочку создает “наследование” жизни предков потомками. Если бы это было не так, ни жизнь как ее понимают науки о жизни, ни жизнь как ее открыли для себя древние не выстраивали бы цепочек.

Такова истинная суть всей жизни на Земле. В настоящее время пристальное внимание уделяется генам. Генная информация обуславливает непрерывное “наследование” и эволюцию жизни. Величественный мир жизни зиждется на смерти каждого, порождающей жизнь каждого. Если подходить к жизни с данной позиции, то и ее облик в невидимой сфере естественно попадет в поле нашего зрения, и с монополией взгляда на жизнь только ныне живущих будет, надо полагать, покончено. Этот взгляд, который в концентрированном виде выражает сейчас человеческий эгоизм, необходимо еще раз изучить и переосмыслить.

Вышеописанные соображения зачастую удивляют всех и каждого, но не стоит ли хотя бы считать, что человек, конечно же, не рождается в одиночестве и вместе с тем в одиночестве и не умирает?

Иной раз в качестве непререкаемой истины преподносят тезис, гласящий, что, поскольку человек встречает смерть в одиночку, одиночество является его уделом. Но это – одно из возможных суждений, и, по крайней мере, в свете длительной истории человеческой мысли оно выглядит принадлежащим к новому времени⁵⁴ – к времени индивидуализма, т.е. концепции, исходной точкой всех положений которой служит индивид. Действительно ли верна эта концепция? Нет, не верна. Уже при рождении человек формируется как личность в системе отношений с другими людьми, и в той же системе он впервые осознает свое “Я”.

11. То, что связано жизнью и смертью

Часто говорят, что самая горестная смерть – это смерть в одиночестве. Встречу же со смертью человека, отчетливо сознающего свою связь с кем-то, можно назвать счастьем. Это может быть, например, связь с *ками* или с Буддой. В связи с ними заканчивает жизнь человек, и в этом его спасение.

Спасти человека таким путем стремятся ныне и в хосписах, и в вихарах⁵⁵. Нельзя ему умирать в одиночестве. Он умирает легко и спокойно только тогда, когда ко времени встречи со смертью у него имеются потомки, семья, которым вверено попечение о его жизни на этом и на том свете. Именно

⁵³ Что касается остальных компонентов слова *икиноти*, то *ики* – дыхание, а *но* – притяжательный формант.

⁵⁴ Новое время (*киндай*) в периодизации японской истории открывается эрой Мэйдзи (1868-1912), которая началась Реставрацией Мэйдзи (крупные исторические события – по форме передача власти от военного правителя сёгуна императору, по существу переход Японии на путь капиталистического развития).

⁵⁵ Учреждения для неизлечимо больных, где создаются условия, позволяющие им не испытывать болей и в относительном покое провести последние дни и часы своей жизни.

благодаря таким представлениям, обычай придавать важное значение родному дому и родной деревне непоколебимо сохраняется до сих пор. Старики благоговейно чтут предков не только потому, что предки эти обладают огромной ценностью в их глазах. Такое почитание – и форма приготовления к собственной кончине, и одновременно выражение уверенности в том, что после ухода из жизни осиротевшие семьи будут так же чтить их самих.

Поскольку названные жизненные связи ни в коем случае нельзя обрывать, важно понять, что жизнь не является достоянием какого-то одного человека, какой-то частной, индивидуальной собственности. Как мне кажется, непрерывная передача этой установки от поколения к поколению в качестве одного из культурных сокровищ служит существенным элементом людского образа жизни и, возможно, олицетворением счастья.

Вот какой рассказ довелось мне недавно услышать. Одного заболевшего человека, которому перевалило за восемьдесят, неотвязно преследовала мысль о том, куда же он попадет после смерти. В крайнем волнении он по три раза на день курсировал между домом и крематорием. Но вот когда кто-то сказал ему, что в момент смерти он будет не один, а вместе с буддой Амидой⁵⁶, он совершенно успокоился и перестал совершать свои “челночные операции”.

Думаю, это можно было бы выразить и с помощью терминов современного концептуального аппарата, но в чисто практическом плане при налицом запасе знаний мы поистине “ни жизни, ни смерти не знаем”. Это слова Догэна⁵⁷, и они совершенно верны: человек и рождается не по своему желанию, и не ведает, что станет с ним, когда умрет. По крайней мере, пожалуй, несомненно, что встреча со смертью происходит за границами сознания.

Как бы то ни было, жизнь и смерть, рождение и смерть в действительности находятся в зоне, непознаваемой для людей. Следовательно, и утверждение, что “послесмертие” равнозначно небытию, не является абсолютной истиной, а лишь указывает на один из возможных вариантов. Поэтому я считаю безусловно естественной идею о том, что и после смерти человек ведет некую разновидность жизни, или, говоря на японский манер, – бестелесное существование, причем оберегая находящихся на этом свете потомков и общество в целом.

12. Связи между умершими и живущими

В современной японской глубинке есть сколько угодно мест, где различные обычаи бережно доносят до нас представления, о которых говорилось выше. Так, в уезде Симо-Ина префектуры Нагано, в той ее на редкость гористой части по течению реки Тэнрюгава, что примыкает к префектуре Айти, имеется поселок Ниино. В этом старинном, типично “придорожном” населенном пункте, который расположен в небольшой долине, куда не доходит и железная дорога, сохраняются *о-мацури*, заслуживающие пристального внимания ученых. Глубокое впечатление производит, в частности, зимний храмовый праздник, именуемый *Юкимацури* (“Снежный праздник”), но особенно великолепны действия, совершаемые в день поминовения умерших по лунному календарю и известные под названием *Ниино-но бон*. Действа эти так сильно взволновали меня, что однажды я выступил с докладом о них.

С давних пор поселком Ниино интересуются и этнографы. Живут там примерно пятьсот человек, число дворов достигает двух сотен. Одним словом, это – самое обыкновенное сельское поселение. Встречать умерших выходят все жители поселка. Три дня и три ночи они нежно ублажают души предков танцем *бон-одори*, а на утро четвертого дня, с рассветом, провожают их за околицу в обратный путь.

Вот, в основном, и все. В ходе *Ниино-но бон* музыкальные инструменты не используются, звучат только человеческие голоса, поющие песни, да исполняются медленные танцы. Вокруг поселка образуется длинная овальная цепь танцующих. Танцуют, не торопясь, ночь напролет, и так продолжается на протяжении трех суток, после чего, наконец, происходят теплые проводы умерших. Особенно примечательны проводы недавно умерших, впервые поминаемых на празднике *бон*: танцующие как бы мешают им удалиться. В эмоциональных движениях танцующих, вроде бы пытающихся преградить путь умершим, кажется, звучат обращения к ним: “Разве вам не хорошо с нами?”, “Побудьте у нас еще!”. В конце концов у окраины поселка жители зажигают висячие граненые фонарики, приготовленные для недавно умерших, и, проведив их, возвращаются, не оглядываясь, по домам.

Налицо не просто обряд поминовения предков или недавно умерших, совершаемый одним двором или одной семьей, – их радушно встречает и провожает весь поселок. Факт сохранения в Ниино этой церемонии, да еще в неприкосновенной форме, исключительно трогателен.

Вот так живущие чтут умерших из числа далеких и близких и чтут не только в одиночку или с кем-то вдвоем, но и всем сообществом. Полагаю, это – большое утешение для осиротевших семей и в то же

⁵⁶ Один из главных персонажей буддийского пантеона, особо известный благодаря вере в то, что обращенные к нему молитвы могут открыть путь в “чистую землю” – аналог рая.

⁵⁷ Догэн (1200-1253) – один из основоположников школы Дзэн в Японии.

время успокоение всем живым, к которым когда-то тоже придет смерть.

Можно, конечно, объяснять устойчивость вышеописанного обычая условиями глухой провинции, оторванной от городов. Однако те жители Ниино, которые переехали в город, во время праздников все как одни приезжают сюда и совершают те же действия, что и продолжающие жить там. Я считаю, что и в городе вполне возможно (может быть, и не в точно таком, как в деревне, но близком по сути виде) реализовать новый подход к жизни и смерти и создать общественный настрой, отражающий веру в сосуществование умерших и живущих.

В Японии есть подходящие для этого социальные единицы – локальные общества, нуклеарные семьи и семьи кланового типа. Имеет хождение и концепция *кэтиэн*⁵⁸. Так вот, скажем, члены секты Нэнбуцусю⁵⁹ или те, кто просят милостей Будды, создавая его скульптурные и живописные изображения, иной раз сплываются на базе установленных с ним связей в объединения единомышленников, где, видимо, действительно преобладает неиндивидуалистический подход к смерти или к узам жизни и смерти, включая одновременно отношение к собственной кончине и к почитанию усопших.

Поскольку в дальнейшем образ людских сообществ будет ассоциироваться отнюдь не только с ограниченными локалиями, поскольку допустимо ожидать появления новых сообществ, объединяющих, например, близких по духу горожан, разве нельзя признать желательным построение единой жизненной культуры, которая приняла бы в свое лоно как радости посюстороннего существования, так и посмертное бытие наших предков и нас самих? Думается, культура эта имела бы касательство и к буддийской ауре.

13. Уроки исследования “Кодзики”, предпринятого Норинагой Мотоори

Норинага Мотоори⁶⁰ был выдающимся мыслителем, крупным ученым периода Эдо. Он осуществил глубокое исследование “Кодзики”⁶¹ и добился великолепных результатов в толковании “Гэндзи-моногатари”⁶² и других произведений классической литературы. По всей видимости, Мотоори являлся горячим приверженцем *синто*, и, по его словам, в молодые годы представлял себе загробный мир таким, каким он описан в “Кодзики”. Согласно этому источнику, говорил Мотоори, страна Ёми⁶³ – место чрезвычайно мрачное и неприглядное, и необходимость следовать туда после смерти весьма печальна. Однако достигнув закатного возраста, он стал утверждать, что, хотя в “Кодзики” и содержится приведенное описание, классические литературные памятники хранят молчание о том, каков тот мир в действительности.

По мнению Мотоори, важным достоинством *синто* является его парадоксальная способность создавать душевный покой, не произнося успокаивающих слов о том, куда отправляются после смерти. Это, в общем-то, идея из учения о “чистой земле” будды Амиды, в рамках которого она выражается формулой “наличие душевного покоя - в его отсутствии”.

Мотоори был человеком педантичным и в преклонных годах даже оставил в своем завещании подробные указания о процедуре собственных похорон. Эти указания чрезвычайно интересны. Он пишет, что желает проведения церемонии по буддийскому обряду в принадлежащем секте Дзёдо⁶⁴ храме Дзюкэйдзи, который находится в городе Мацудзака и является фамильным храмом семьи Мотоори на протяжении поколений. Однако Мотоори просит, чтобы его останки не предавали там земле. Над Мацудзакой возвышается не очень большая гора под названием Ямамуро, которую Мотоори очень любил. Она до сих пор славится своей сакурой⁶⁵. Так вот, Мотоори, восхищавшийся сакурой, как и буддийский монах Сайгё⁶⁶, пожелал, чтобы его останки захоронили и возвели могильный холм именно там. Он даже написал стихотворение в стиле *вака*⁶⁷, в котором сказано: насыпьте холм на горе Ямамуро, смотрящей вниз на город, закопайте там мои останки и посадите сакуру, и если вы поступите так, я обрету душевный покой. Мотоори также хотелось, чтобы, отмечая годовщины со дня его смерти,

⁵⁸ Установление связей с Буддой при вступлении на указанный им путь.

⁵⁹ Одна из буддийских сект, члены которой неустанно повторяют имя Будды.

⁶⁰ 1730-1801.

⁶¹ Крупнейший памятник древнеяпонской литературы (работа завершена в 712 г.). На русский язык переведен Е.М.Пинус (1914-1984), Л.М.Ермаковой и А.Н.Мещеряковым.

⁶² Величайший памятник японской и мировой литературы, созданный на рубеже X-XI вв. На русский язык переведен Т.Л.Соколовой-Делюсиной.

⁶³ Край, куда уходят души людей после их смерти и где живут усопшие.

⁶⁴ В учении этой секты важное место принадлежит идее “чистой земли”.

⁶⁵ Японская декоративная вишня.

⁶⁶ Выдающийся поэт японского средневековья, 1118-1190.

⁶⁷ Классическая японская поэзия.

ученики вывешивали в *токономе*⁶⁸ свиток с его автопортретом. Все это весьма показательно: человек со столь обширными знаниями, находившийся под сильным влиянием секты Дзёдо, занимавшийся изучением и вполне современных проблем, в конце концов находит успокоение на горе, обращенной к его родным местам.

Видный этнограф современности Кунио Янагита неоднократно говорил, а в своей прекрасной книге “Рассказ о предках”, созданной в год окончания войны, черным по белому записал, что, хотя буддизм объяснил японцам, как они после смерти отправятся в “дальний рай” - *дзюманокудо*⁶⁹ или в “западный рай” будды Амиды, они в это не верят, и что их общим желанием является, скорее, устройство могилы на горе вблизи от селения, где они родились, воспитывались и провели жизнь, ибо будучи там похороненными, они могли бы постоянно оберегать и своих потомков, и свою малую родину. Японцы в самом деле не имеют ясного представления о том, что после смерти они окажутся в мире, совершенно обособленном от мира здешнего. Как им кажется, они никогда не утратят связей со здешним миром и, став невидимыми, будут в бестелесном обличье покоиться неподалеку от детей и внуков, оберегая грядущие поколения.

В нашем прочтении мифов, вошедших в “Кодзики”, страна Ёми предстает как “неприглядная”. Однако ни в коем случае нельзя считать это определение абсолютно верным. В “Кодзики” страной Ёми называется место, куда скрылась богиня Идзанами после того, как она родила *ками* огня. Ее муж бог Идзанаги был очень опечален этим и, желая каким-нибудь способом вернуть богиню в земные края, отправился искать ее в страну Ёми. Это – знаменитый мифологический сюжет.

Когда он прибыл в мрачную страну Ёми и встретился с Идзанами, она, тронутая его горячими чувствами, сказала, чтобы он немного подождал, ибо она возвратится с ним в наш мир после того, как посоветуется с великим *ками* этой страны. Вынужденный ждать слишком долго, Идзанаги не выдержал, выломал зуб из гребня, воткнутого в его волосы, и зажег его наподобие факела. В свете факела его жена (точнее, ее разложившийся труп) стала видимой, но вызывающей ужас. Идзанаги не мог вынести это зрелище. Его испуг и бегство из страны Ёми – весьма значимый мотив в “Кодзики”.

Здесь очень важен факт возжигания факела. Это означало, что мир умерших был увиден глазами живущего. Иначе говоря, взгляд на вещи, присущий миру жизни, был привнесен в мир смерти. Думается поэтому, что те, кто решительно расценил мир смерти как неприглядный, страшный и ужасный, просто не вчитались в мифы с должным вниманием. Видимо, данное обстоятельство повергало в замешательство Норинагу Мотоори.

Как бы то ни было, имеются определенные основания для отказа от представлений, согласно которым мир мертвых японцев непознаваем для живых. Важно, что живущие чтут умерших, продолжают умиротворять их души, находя в этом спасение для самих себя. Послесмертие не подлежит сомнению. Но хоть это так, важно, повторяю, что в качестве одного из средств спасения близкие усопшего неустанно чтут его душу. В этом вроде бы нет ничего особенного, но если вдуматься, то разве есть что-либо еще в силах живущих?

14. Культура отношения к смерти

При поверхностном чтении мифов “извлечь” таящийся в них смысл невозможно. Скрытым смыслом наделены не только мифы. К примеру, “триллион километров” как составная часть понятия “дальний рай” на самом деле обозначает не физическое расстояние, - в такой форме выражаются трудности, возникающие на пути преодоления человеком своего “Я”.

Потрясающе глубокий смысл заключен в феномене человеческой жизни. Человек живет именно потому, что жизнь всегда несет в себе возможность смерти. Именно наличие возможности смерти является условием жизни. Жить – значит постоянно находиться под угрозой смерти.

Как отметил в одном из своих блестящих произведений знаменитый немецкий философ Хайдеггер, было бы ошибкой считать даже новорожденного ничем не связанным со смертью на том основании, что он только-только появился на свет. Говорят, у чешских крестьян есть такая пословица: “Человек в момент рождения уже достаточно стар, чтобы умереть”. Думаю, что, когда мы в очередной раз обратимся к осмыслению важности жизни, нам потребуется и такой взгляд на положение вещей. Жизнь существует именно потому, что чревата возможностью смерти, и, право, нет ничего необычного в смерти, способной наступить в любое время.

Как раз по этой причине необходимо ясно сознавать, насколько важна и благодатна дарованная нам жизнь. Не является ли всеобщей ошибкой подход к жизни как к чему-то естественному, само собой разумеющемуся? Что касается наших предшественников, то они много лет назад выпестовали культуру отношения к смерти, культуру, опирающуюся на признание постоянной включенности смерти в механизм жизни.

Мацури – тоже атрибут этой культуры. По-моему, *мацури* позволяет человеку, неизменно стоя-

⁶⁸ *Токонома* - декоративная ниша в японском доме.

⁶⁹ Букв. “рай, отстоящий от Земли на триллион километров”.

щему перед возможностью смерти, беспрерывно благодарить *ками* и предков за дарованную жизнь и при этом встречаться с теми и другими.

В наши дни к жизни начали относиться как к чему-то заурядному, благодарность за нее почти исчезла из повседневного бытия. Осталась лишь идея о несправедливости смерти. Если не переосмыслить эти изменения, то возродить более сбалансированный взгляд на жизнь, пожалуй, не удастся.

15. Время распространения ложного образа синто

Седьмой год эры Хэйсэй⁷⁰ был пятидесятым с окончания войны. Эту веку начали обдумывать с самых различных позиций. Обозначались и поиски соответствующих концепций. А я-то давно ломаю себе голову над довоенными и послевоенными проблемами с позиций человека *дзиндзи*⁷¹.

Стоит только заговорить о *синто*, как немедленно всплывает термин *кокка синто*⁷². Такой образ *синто*, как мне кажется, безусловно, существует, и у многих вызывает чувство протеста. Послемэйдзийское *синто* огульно именуют “государственным”. Самый термин “государственное синто” был впервые использован после войны Штабом оккупационных войск⁷³. Раньше в Японии о нем и не слыхивали. Однако в сущности “государственное синто” существовало. Попросту говоря, *синто* время от времени оказывалось связанным с национализмом. В известном смысле дело доходило даже до ультра-национализма, и *синто*, видимо, посчиталось причастным к этому процессу.

Нельзя отрицать, что *синто* изначально была присуща некая разновидность национализма. Если подходить к этой проблеме с точки зрения генезиса слова *синто*, то выяснится, что *мацури* в честь местных *ками* как бы сводились в единую сеть под эгидой тогдашнего древнего государства⁷⁴ и что на том этапе интересующее нас слово, конечно, уже употреблялось. Так называемые императорские, или придворные богослужения соединялись в одну систему с местными богослужениями, и пути тех и других в истории совпадали. При этом были времена, когда господство столицы становилось особо сильным и придворные, главные храмы процветали, и времена, когда столица переживала упадок и *мацури* в честь местных *ками* перенимали статус центральных.

Важно, однако, что, хотя *синто* сыграло роль в консолидации древнего общества и государства, оно ни в коем случае не являлось религией, поддерживавшей государственный авторитаризм с его гнетом властей или военщины, с подавлением народа, религией подстрекательства к войне.

Самым же существенным было положение императора в качестве, так сказать, верховного священнослужителя *синто*. Следуя примеру императора, проводившего *мацури* в честь *ками* – основателей страны, местные храмы проводили *мацури* в честь местных *ками*, но *синто* никак не являлось системой или религией, предназначенной для концентрации власти.

И все-таки после реставрации Мэйдзи синтоистские храмы и *синто* в целом начали весьма интенсивно использоваться как средства сплочения национального сознания в целях присоединения японского государства к элите западных держав и претворения в жизнь лозунга “богатая страна – сильная армия”⁷⁵.

16. Синто было связано с национализмом

Среди идей, высказывавшихся в окружении Хиробуми Ито⁷⁶, была и идея о необходимости использования *синто* в качестве духовной основы, которой не было в Японии и функцию которой на Западе исполняло христианство. С давних времен, еще до периода Эдо, именно буддизм носил характер государственной религии, и на протяжении этого периода поддержка буддийским истеблишментом режима *бакухан*⁷⁷ выступала одной из его профилирующих черт. Полагаю, однако, что с наступлением эры Мэйдзи буддизм перестал отвечать потребностям государства и оказался неподходящим средством формирования государственного сознания японского народа. Коль скоро тогдашний национализм нуждался в идее, способной вселить в японскую нацию чувство гордости, мобилизовать ее на достижение равенства с нациями западных держав или на сопротивление им, *синто*,

⁷⁰ 1995 г.

⁷¹ *Дзиндзя* – синтоистский храм, человек *дзиндзи* – человек, связанный с *дзиндзей*, признающий важное место *дзиндзи* во всей системе учения и практики *синто*.

⁷² “Государственное синто” – система использования *синто* правящими кругами Японии в период после реставрации Мэйдзи и до окончания второй мировой войны в реакционных целях, что не только не имело ничего общего с подлинным *синто*, но и нанесло ему большой ущерб.

⁷³ Япония была оккупирована союзными (практически – только американскими) войсками в 1945-1951 гг.

⁷⁴ По 1185 г.

⁷⁵ Один из лозунгов правящих кругов Японии в период мэйдзийских реформ, его реализация стала одной из предпосылок вступления Японии на путь агрессивных войн.

⁷⁶ 1841-1909, видный деятель эпохи Мэйдзи.

⁷⁷ Сущность режима *бакухан* состояла в сочетании стабильной власти центрального правительства с предоставлением относительной свободы действий местным феодалам.

пожалуй, лучше всего соответствовало задаче выхода на эту цель.

Но с самого начала эры Мэйдзи в ходе решения данной задачи синтоистские богослужения стали превращаться в государственные, вследствие чего культура, традиции почитания *ками* в том или другом районе были в значительной степени разрушены. Развернулась широко известная кампания консолидации синтоистских храмов. В 40-е годы эры Мэйдзи правительство взяло курс на принудительную реорганизацию их сети, в процессе которой происходило сплошное слияние небольших периферийных храмов с расчетом на оставление, по возможности, одного храма в одной административно-территориальной единице. В результате по всей Японии было зафиксировано много случаев, когда из-за проводившегося слияния местным жителям приходилось с тяжелым сердцем расставаться с храмами, дававшими до того возможность совершать *мацури* в каждой маленькой деревеньке.

Особенно ужасной консолидационная кампания выглядела в префектурах Миэ и Вакаяма, где слияние синтоистских храмов проводили с беспрецедентной решительностью. Это побудило известного ученого Кумакусу Минакату, не утрашившегося тюремного заключения, выступить с протестом против слияния храмов, приведя в качестве аргументов соображения, связанные с соблюдением различных традиций и защитой окружающей среды. Его протест сыграл свою роль, и в последний год Мэйдзи консолидация была прекращена. Однако к тому времени процесс слияния синтоистских храмов по всей стране зашел достаточно далеко, и в очень многих случаях локальные святилища, ценившиеся местными жителями, были утрачены.

Надо упомянуть и о том, что до эры Мэйдзи *мацури* в честь *ками* совершали на местах в соответствии с присущими каждому району типами сезонных работ и природными особенностями. Мэйдзийское же правительство осуществило общенациональную унификацию *мацури*, распорядившись отмечать их в единые для всей страны праздничные дни как мероприятия государственного значения. Из-за этого в немалом числе случаев пришлось волей-неволей переносить даты и изменять формы проведения *мацури*, давным-давно утвердившихся в том или ином районе.

Итак, политика того периода, который связывают с “государственным синто”, отнюдь не была желательной для синтоистских храмов, ибо ввиду этой политики значительные масштабы приобрело такое явление, как отчуждение людей от местных *ками* и синтоистских храмов. Достойным сожаления фактом является и то, что в условиях, когда синтоистские храмы были наделены функцией сплочения народа под эгидой государственной администрации, Япония перешла к военной структуре, в связи с чем эти храмы сделались местом пропаганды “лояльности и патриотизма”.

17. Японский *тэнно* – не император⁷⁸

Будучи людьми *дзиндзи*, мы и сейчас с большим уважением относимся к императорскому дому. Однако мы считаем ошибкой, во-первых, начавшееся в эру Мэйдзи копирование Японией империалистических форм, типичных для западноевропейских держав и характеризовавшихся созданием тоталитарного государства на основе сосредоточения всей власти в руках монархии и всемерным распространением его влияния, а во-вторых, – занятие японским *тэнно* позиций, аналогичных позициям западноевропейских императоров.

Обладая авторитетом, *тэнно* не должен был быть императором, концентрирующим властные полномочия. Взятие за образец германской и английской империй, других стран абсолютной монархии с королями и императорами вызвало к жизни самые разнообразные противоречия. Поэтому я рассматриваю отсутствие у *тэнно* в послевоенный период прежней власти и его статус символа⁷⁹ как возвращение к изначальной традиции. Думается, подобный подход вполне допустим.

Значительная часть японского народа, включая солдат, павших на полях сражений, и обычных граждан, несомненно, заплатила в годы войны непомерно высокую цену. Невозможно отрицать и тяготы, навязанные народам других стран, людям, проживающим далеко за рубежами Японии. Этим фактам надо смотреть прямо в глаза. Но для нас, людей *дзиндзи*, особенно важной сегодня является обязанность и впредь заботиться об успокоении душ погибших солдат, душ павших героев. Мы убеждены, что воля ушедших от нас на войне ни при каких обстоятельствах не должна быть предана забвению. Упорно добиваясь, чтобы этого не произошло, нам и следует размышлять о пятидесяти послевоенных годах и о наших будущих задачах.

18. Успокоение душ павших на войне

⁷⁸ Противопоставление японского императора *тэнно* и императоров западного типа имеет свои основания. Реальная власть довоенного *тэнно* действительно во многом была ограничена. Послевоенный статус *тэнно* как всего лишь символа государства и единства народа закреплен в ныне действующей конституции.

⁷⁹ Символ государства и единства народа.

Выше я упоминал знаменитую книгу “Рассказ о предках”, написанную перед самым окончанием войны ученым-этнографом Кунио Янагитой, который работал над ней, ясно сознавая близившееся поражение. Как указывал автор, после войны самой важной проблемой явится проблема отношения к душам павших в боях. Для японцев длящейся поныне мирной эпохи наивысший идеал, достижимый за время жизни, – “превращение в предка семьи”. Что это значит? Это значит стать почитаемым после смерти. А потомки будут почитать умершего лишь в том случае, если при жизни он, не жалея сил, совершал адресованные им похвальные поступки. В мирное время погоня за названным идеалом выражается при жизни в строительстве дома, защите своего предприятия или жилища, а после смерти – в обретении качеств объекта почитания. Такова основополагающая идея поисков покоя.

Однако великое множество – миллион или два миллиона – молодых людей погибли на войне. Сможем ли мы, японцы, в строгом соответствии с традицией продолжать почитание тех, кто умер этой противоестественной смертью, погиб в бою? Мы, японцы, которые остались в живых, должны думать о совершении *мацури* в честь людей, пожертвовавших собой ради нас. Для Янагиты эта мысль явилась мощным стимулом, побудившим его написать “Рассказ о предках”.

Я родился в 1936 г. и встретил окончание войны учеником начальной школы. Поэтому кое-что о ней знаю, но не могу, пожалуй, сказать, что испытал ее по-настоящему. Тем не менее я размышлял над проблемой отношения к факту смерти на поле боя молодежи, наших старшекласников, которых мы проводили на войну.

Ценным подспорьем при этом послужили мне недавние научные достижения, с которыми связано выражение “поколение пошедших на смерть”. Я имею в виду книгу “Поколение пошедших на смерть и их прощальные письма”, написанную высокоавторитетным социологом Киёми Мориокой. Под этим поколением в книге подразумеваются те, кто родились в 1920-1923 гг. (конец эры Тайсё), а в 1945 году, последнем году войны, только перешагнули двадцатилетний возраст и отправились на поле боя или в спецчасти смертников *камикадзэ*⁸⁰, где и погибли.

Эти молодые люди уходили, не рассуждая о возможности остаться в живых при удачном стечении обстоятельств. Они стремились в бой, уже определив себя в жертву. Поэтому их смерть должна была свершиться как акт, к которому они заранее были готовы. Отношение к этой “осознанной смерти” отразилось на страницах самых разных прощальных писем.

Часть этих писем публиковалась и раньше, но Мориока еще раз просмотрел всю подобную корреспонденцию, положил в основу письма юношей, родившихся в 1920-1923 гг., внимательно прочитал их и ввел в оборот выражение “поколение пошедших на смерть”. При чтении прощальных писем до глубины души впечатляют горькие сетования этих молодых людей по поводу ожидаемой смерти. В те времена их учили, что это – смерть за его величество *тэнно*, и молодежь, испытывая определенные сомнения на этот счет, все-таки мирилась с перспективой собственной смерти и следовала на верную гибель.

Особо тронули меня и воспоминания Мицуру Ёсиды. Он был младшим лейтенантом военно-морского флота и остался в живых после гибели линкора “Ямато”⁸¹. После войны он написал известные книги «Линкор “Ямато”», «Конец линкора “Ямато”» и другие. Ёсида рассказывает, как ему удалось выжить на линкоре “Ямато”, совершавшем самоубийственную вылазку, и каким ужасным был бой, в ходе которого этот корабль затонул. Знакомит он читателя и с дискуссиями, которые вели его сверстники, такие же, как он, офицеры, в то время, когда “Ямато” шел на последнее задание.

В одном из эпизодов офицеры, окончившие военно-морское училище и соответствующим образом воспитанные, вопрошают: “Разве это не прекрасно – умереть за страну и за *тэнно*?”. Однако другие офицеры, выпускники гражданских учебных заведений, считают, что, хотя они вполне понимают идею смерти за *тэнно* и за страну, одного этого недостаточно для того, чтобы убедить их в необходимости собственной смерти. Разгорается острый спор. В этой обстановке весьма глубокомысленно звучат слова одного капитан-лейтенанта, в конце концов умиротворившие спорщиков: “Поражение пробудит Японию, и мы явемся теми, кто укажет ей путь. Падем, но как вестники возрождения Японии. Не это ли наша заветная мечта?”

Все участники описанной сцены сознают неизбежность поражения в войне, понимают, что их смерть никоим образом не явится вкладом в победу. И все же они должны умереть. Для чего? Для того, чтобы их смерть пробудила и возродила Японию. Личная смерть ради возрождения страны – вот идея, лежащая в основе этого эпизода.

Думаю, налицо исключительно щекотливая проблема. Способны ли мы, ныне живущие, воспринять эту идею? Можно, конечно, ограничиться умозаключением об отсутствии ныне, в абсолютно мирные времена, ситуации, которая делала бы необходимой смерть за государственные интересы или за других людей. Но, как мне представляется, осознание необходимости такой смерти теми, кто смотрел ей в лицо, их решимость пойти на нее, имеют серьезное значение и для современности.

⁸⁰ Военнослужащие отрядов смертников, существовавших в японских вооруженных силах в конце Второй мировой войны.

⁸¹ Самый крупный линкор японского ВМФ периода войны на Тихом океане, затонул в апреле 1945 г. в результате атаки американских самолетов авианосного базирования.

19. Общее для всего “поколения пошедших на смерть”

На основе тщательного анализа, осуществленного Киёми Мориокой в книге “Поколение пошедших на смерть и их прощальные письма”, он приходит к выводу, что люди этого поколения руководствовались одним общим принципом. Речь идет об исполненной глубокого смысла “обязанности умереть за любимую родину, за родителей, за братьев и сестер”.

По-моему, значение этого момента также очень велико. Действительно, человек, идущий на войну, естественно, должен иметь дело с врагом, но в своих письмах не упоминает этого врага ни единым словом. В те времена в начальных школах нас учили, что американцы и англичане – дьяволы. Рассказами о ненавистном враге поднимали боевой дух. Между тем в прощальных письмах людей из “поколения пошедших на смерть” и в других тогдашних записях практически отсутствуют указания на ненависть к врагу как на мотив вступления в бой.

Еще одно свидетельство я почерпнул из книги литературного критика Сёити Саэки “Сердце синто”. Там упоминается прибывший после войны в Японию Айвен Моррис, уроженец Англии, ставший исследователем японской литературы. В своем труде Моррис, в частности, анализировал и комментировал прощальные письма лиц из отрядов смертников-*камикадзэ* и вообще тех, кто погиб на войне в ходе самоубийственных операций. Его весьма удивила общая черта этих писем, а именно почти полное отсутствие чувства ненависти по отношению к врагам.

Моррис оценивает этот феномен как поистине замечательный. Более того, с особой симпатией он пишет еще об одной общей черте прощальных писем и сохранившихся высказываний погибших – о том, что, невзирая на их смерть, оставшиеся в живых члены семей и весь японский народ построит новую Японию, о том, что они шли на смерть с твердой верой в светлое будущее своей страны. Рассказывая об этом, Саэки подчеркивает, что подобный настрой – залог спасения умерших, которые принадлежали к одному с ним поколению.

Сам Саэки родился в 1923 г. и тоже является оставшимся в живых представителем “поколения пошедших на смерть”. С только что охарактеризованным настроением он проводит послевоенные годы. Вся его жизнь в мирные десятилетия протекает с ощущением принадлежности к числу тех, кто был готов пойти на смерть, но кому удалось выжить. И я, человек *дзиндзи*, считаю важным перенять настрой тех, кто погиб в составе “поколения пошедших на смерть”, успокаивать их души, неустанно чтить их память.

С моей точки зрения, весьма большое значение имеет тот факт, что эти люди стремились в бой никоим образом не из ненависти к врагу и приняли свою смерть, веря в ее роль своеобразной основы, на которой родина построит лучшее будущее. Поэтому я нахожу очень ценным для *синто* проявлять уважение к их последней воле и почитать их души как души героев.

Согласно еще одному замечанию Саэки, суть *синто*, говоря современными словами, заключается в успокоении душ, или в создании почестей душам умерших, в их умиротворении, в их поминовении. Живущие почитают и утешают души умерших предков и *ками*, в случаях упадка душевных сил восстанавливают и приумножают их и тем самым увеличивают запасы жизненной энергии друг у друга. Именно успокоение душ, при котором не только люди, но и *ками* взаимно обогащают содержание жизни или наследуют это богатство, – и есть *синто* и, добавлю, вероятный путь спасения японцев. Думаю, что способ спасения по-синтоистски, у исходной точки которого находятся смерть, умершие, умирание, является, судя по всему, общим для японцев – синтоистов и буддистов.

20. Успокоение душ умерших – обязанность живущих

Об изначальных формах появления словосочетаний, обозначающих “успокоение душ”, “умиротворение душ” и “утешение душ”, ведутся оживленные дискуссии в сфере лингвистики и религиоведения. В старояпонском языке общее для этих словосочетаний слово “душа” (*тамаси*) звучало как *тамасиб*, означая буквально “сила души”. Но и при таком значении имелось в виду, что душа является источником жизни, что поэтому ею наделены живущие и что она продолжает существовать после их смерти.

Смысл использования в японском языке таких словосочетаний, как “наделенность душой” или “обладание силой души”, состоит в отнесении не только животных, но и растений, да и всех предметов к категории несущих в себе жизнь. Иначе говоря, наличествует “жизненный дух”, и для него могут наступать как благоприятные, так и неблагоприятные времена. Душа сродни человеческой жизни, которой на начальных фазах свойственны бьющая через край энергия, динамичность и которая погружается в застой по мере роста числа оставленных за плечами лет. Это – естественная для жизни смена состояний со взлетами и падениями, причем последние не прерываются сами по себе и лишь воздействие на них в какой-либо форме восстанавливает жизненный тонус. Вот и обряды успокоения и

утешения душ помогают им собраться с силами, активизироваться.

Нечто подобное наблюдается и в отношении самых обычных вещей. Существует, например, слово *тосидама*, т.е. новогодний подарок. Ныне в качестве такого подарка детям вручают на Новый год деньги, и я слышал, что деньги эти очень и очень немалые. А ведь слово *тосидама* давным-давно образовалось от слова *тоси-но тама* (душа года).

Год и время тоже относятся к категории несущих в себе жизнь, и с каждым новым сезоном года она словно бы возрождается. Смысл обновления года с наступлением января заключается в оживлении, обновлении его души. На Новый год во всех семьях по всей стране проводится (нет, правильнее, вероятно, будет сказать – проводился раньше) обряд набирания главой семьи, старшим в доме первой воды из колодца. Эта новая, свежая вода, взятая из колодца на заре очередного года, используется для различных новогодних церемоний. Одновременно от имени *ками* - хранителя урожая члены семьи наделяются энергией “души года”. В ходе обряда почитания этого *ками*, которого просят даровать силы для обновления жизни, им раздаются новогодние подарки. Так жизнь семьи обновляется, и она в какой уже раз отправляется в путь длиною в год. Кстати, обычно на Новый год преподносили *моти*⁸², которые, как считалось, обновляли жизнь силами, заключенными в рисе.

Согласно существующему верованию, человек умирает потому, что состояние души в теле становится неустойчивым, и она вырывается из телесной оболочки. Непокколебимо стабильное состояние души, пребывающей в теле, воплощает собой здоровье. Поэтому еще одна функция успокоения душ и утешения душ состоит в поддержании этого состояния ради сохранения здоровья.

Вместе с тем случается, что дестабилизация состояния души означает какое-то беспокойство или страдание, испытываемые ею. “Успокоение душ” имеет целительное значение для нестабильного, мучительного состояния души. Объектами успокоения душ являются также души умерших. Это и есть *мацури*. Вышесказанное относится не только к душам наших родных, друзей и соотечественников, но и к душам иностранцев. Это очень важно. Необходимость придания большого значения успокоению душ погибших на войне определяется, в частности, тем, что воины (и это самое меньшее, что можно о них сказать) умерли не ради себя, – они принесли в жертву свои жизни ради общества, семьи и страны. Нет ничего заслуживающего большего уважения, чем самопожертвование ради других, и японцы всегда ценили его весьма высоко.

Поскольку в Японии с незапамятных времен существует обычай обожествлять людей, отдавших жизнь даже не на войне, а за общество, за свою деревню, для японцев естественна мысль о почитании всех погибших в боях как *ками*. Вот почему, на мой взгляд, успокоение душ героев (героями являются не обязательно лишь погибшие на войне), душ пожертвовавших жизнью за общество, за государственные интересы образует основу религиозных чувств японцев. Можно даже сказать, что обесценивание этой основы наверняка лишило бы Японию будущего.

По-моему, успокоение душ солдат особенно важно сейчас, когда прошло пятьдесят лет со дня окончания войны. Расширительное толкование идеи о почитании отдавших за нас свои жизни, т.е. включение в ее рамки павших не только в боях, но и в различных иных ситуациях, раздвигает границы нашего мышления, и это не имеет ничего общего с примитивным почитанием ультрационализма.

21. Жить так, чтобы находить божественное во всей жизни

Думая каждый день о великом благе продолжения нашей жизни, приходишь к выводу, что продолжается она благодаря жизни кого-то еще. Конечно, благодаря жизни других людей – членов семьи, общества, тех, кто нас раньше учил. Но возьмем еще хотя бы продукты, которые мы ежедневно потребляем в пищу для поддержания нашей жизни, – ведь каждый из них тоже несет в себе жизнь. И мы живем только благодаря тому, что они отдают нам свои жизни.

Нам, так сказать, жертвуют жизни многие живые существа – и растения, и животные, – и мы существуем именно вследствие этих ежедневных жертвований. Поэтому я считаю абсолютно необходимым соединять в молитве ладони⁸³ перед каждым продуктом питания и перед каждым приемом пищи. Это соединение, по сути, олицетворяет поддержку нами жизнью других и поддержку другими наших жизнью, факт, который мы ежедневно познаем на собственном опыте. И оно же, опять-таки при расширительном толковании, естественным образом увязывается с молитвами за успокоение душ немыслимого числа отдавших свои жизни на войне.

В подобной ипостаси обряд успокоения душ обретает касательство к необыкновенно емкой сфере. Означая в основном и главным выражение признательности механизму взаимного поддержания жизни (или жизням, взаимно поддерживающим их неиссякаемый поток), он одновременно является и церемонией почитания душ умерших.

Заключенные в нем идеи не только имеют прямое отношение к проблеме умерших в Японии и погибших на войне, – у них может быть и более обширная, зарубежная зона воздействия. Воспринимая

⁸² Рисовые лепешки.

⁸³ Распространенный синтоистский ритуал.

Минору Сонода «МИР СИНТО»

идейное содержание обряда успокоения душ и выражая признательность, о которой говорилось выше, каждый из нас приобщается к действиям, нацеленным на утверждение и укрепление в повседневном быту настроения, соответствующего названным идеям. И еще раз упомяну о возможности распространения этих идей за рубежами Японии, на весь земной шар.

В этой связи неизбежно встает проблема окружающей среды. Концепция, согласно которой правом на жизнь обладают лишь живущие на данном конкретном отрезке времени, была вплоть до сегодняшнего дня одной из опор современной цивилизации. С моей точки зрения, эта концепция явилась решающей причиной процесса, приведшего к подрыву биосферы Земли, природы нашей планеты. Есть ли какие бы то ни было основания у системы взглядов, предоставляющих абсолютные права живущим? Их нет.

Мы поддерживаем жизни других, а другие поддерживают наши жизни. Очень важно проникнуться и идеей о поддержке наших жизней предками, а также всем сущим в мире. Коротко говоря, следует придавать первостепенное значение каждой жизненной цепочке, связям наших жизней с жизнями следующих поколений.

Таинство жизни в *синто* целиком и полностью относится на счет чудотворных деяний духа *ками*, создающего все сущее во Вселенной и описываемого термином *мусуби*. Компонент *мусу* в этом термине означает “появляться на свет” – *умарэру* (подобно тому, как, например, словосочетание *ко-кэму* означает появление мха на дереве или камне), “порождать” – *сёдзиру*, “становиться” – *нару*, а компонент *би* указывает на скрытую силу духа. Жизненные цепочки образуются на основе сменяющихся друг друга живого и мертвого состояний тела, а таинство жизни, как только что отмечалось, считается результатом деяний духа *ками*. *Ками*, наделяющие жизнью все сущее, это, прежде всего, *Таками мусуби-но ками* и *Ками мусуби-но ками*, а также *Ику мусуби*, *Тару мусуби* и т.д. В классической литературе этих *ками* называют еще *Такамитама*, *Камитама*, *Икутама* и *Тарутама*. Как видим, слова *тама* (душа) и *мусуби* (дух) даже входят составной частью в оба варианта имен *ками*. Когда задумываешься над этой “одухотворенностью” имен, становится еще более ясным, что деяния духа *ками* (*мусуби*) олицетворяют собой могучую силу, служащую источником жизни. Кстати, поэтому присутствие компонента *мусу* в словах *мусуко* (сын, мальчик) и *мусумэ* (дочь, девочка) характеризует их всех как “детей божьих”.

Синто провозглашает уважение к *ками* и поклонение предкам. Придание важного значения предкам – это нечто, само собой разумеющееся, но в то же самое время нас постоянно занимают думы о потомках. Среди лозунгов ЮНИСЕФ есть, кажется, и такой: “Земля передана нам в доверительное управление потомками”. Но ведь идея этого лозунга естественно вытекает из концепции о жизненной цепочке, тянущейся от предков к потомкам, концепции, которой издавна придерживались японцы. Проблема в том, что концепция эта оказалась в современную эпоху преданной забвению. Однако, если восстановить в памяти путь наших предшественников, то она, вполне возможно, найдет отклик в сердцах, и, на этой основе, по-моему, возникнет связь с будущим образом жизни мира *синто*. ■

- Поступившие материалы **не рецензируются** и авторам **не возвращаются**.
- Мнения в авторских материалах могут не совпадать с мнением Редколлегии.
- При перепечатке **ссылка на Информационно-аналитический бюллетень обязательна**.
- Распространяется **бесплатно**. **Периодичность**: ежемесячно.

© Депутатская группа по связям с парламентом Японии

Редколлегия: В.А.Буткеев, В.Н.Ерёмин, М.М.Задорнов, О.И.Казаков (отв.секретарь), Е.Н.Кручина

Адрес: Россия, 103265, Москва, Охотный ряд 1, депутату ГД РФ М.М.Задорнову

Тел. (095)292-1609, факс (095)292-9000, e-mail zadornov@duma.gov.ru